

Телефонъ редакціи № 19.
Телефонъ конторы и типографіи № 15.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ЦѢНА № ВЪ ХАРЬКОВѢ . . . 3 коп.
въ конторѣ, у разносчиковъ
и на вокзалѣ.

Въ другихъ городахъ 5 коп.

ЦѢна № съ иллюстрированнымъ
приложеніемъ вездѣ 5 коп.

ЕЖЕДНЕВНО НЕ МЕНѢЕ 6-ти СТРАНИЦЪ.

Харьковъ. Вторникъ 2 15) февраля 1910 года.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ. № 9904.

иссякаемым на них спросом, они на- бросились на драмы. Лары Чехова въ художественномъ театрѣ и рстущій ореолъ вокругъ его имени еще больше уби- дали переводчиковъ въ необходимости какъ можно скорѣй перевести все изда- шее изъ подъ его пера на нѣмекій языкъ. Началась настоящая переводческая вакханалія. Чуть ли не десяткомъ чело- вѣкъ, среди которыхъ находились такіе имена какъ Евгений Пабель, Штюнке и Августъ Шольцъ, вооружившись толстѣйшими сло- варями, засѣли за работу. Перья заскри- пѣли во всю, и черезъ нѣкоторое время въ газетахъ появилось извѣстіе о выхо- дѣ на нѣмеккомъ языкѣ „Чайки“. Опередилъ всѣхъ въ быстротѣ нѣкая-жа Флак- с- Фоксманъ. Но ея поспѣшность оказалась ли къ чему. Ни одинъ изъ берлинскихъ театровъ не хотѣлъ поставить „Чайки“. Нѣтъ игры, движенія, жизни! Слабый за- мыселъ, имитация „дикой утки“—Ибсена. —таковъ былъ стереотипный отзывъ. Да- же талантливый директоръ „Лессингъ-те- атра“, заказавшій „Чайку“ известному переводчику Гарбелю, и тотъ отказался отъ ея постановки.

— Хороша, но только ее не поймутъ! Слишкомъ тонка и психологична для бер- линской публики. Боясь провала!

Держалъ на постановку пьесы „Геб- бель“—театръ, но и онъ потерялъ кру- шеніе. Не спасли „Чайки“ ни прекрас- ная игра, ни дивная постановка. Критика отнеслась къ ней больше чѣмъ жестоко, а публика зѣвала и ничего не понимала. Здѣсь сказало-ся давнишнее отношеніе къ Чехову.

— Помилуйте, какъ же такъ? Прекрас- ный юмористъ, недурной новеллистъ и, вдругъ, въ драматургіи. Это не годится!

Такими словами можно было бы охарак- теризовать общій отзывъ критики о Чехо- вѣ-драматургѣ. Разрѣзается, что и другія пьесы подверглись той же участи. „Дядя Ваня“, надъ которымъ мы молились и плакали, страдали и переживали, прова- лился въ Бреславль и ужъ больше ни- когда не появлялся на нѣмеккой сценѣ. Съ Чеховымъ-драматургомъ познакомилъ берлинцевъ Станиславскій. Ему и Немиро- вичу-Данченко русское общество сильно обязано тѣмъ, что они показали нѣмцамъ Чехова во весь ростъ. Но и эта наглад- ная лекція ни къ чему не повела. Бер- линские директора театровъ пришли къ сировадливому выводу, что ставить и иг- рать Чехова могутъ лишь „художники“.

— Ну, куда-же намъ ставить Чехова? жаловался мнѣ одинъ мѣстный большой критикъ и театралъ. Да, вѣдь, никогда я не пойду къ Рейнгарду или Брансу смот- рѣть, хотя-бы, „Три Сестры“ въ ихъ постановкѣ. По моему, это будетъ прояв- леніемъ чистаго искусства. Разъ видѣвши москвичей, невозможно другиму смотрѣть и слушать. Да и кто у насъ дастъ этихъ сестеръ—тоскующихъ, прозрачныхъ, пол- ныхъ незнанныхъ хорошихъ стремленій въ Москву, въ Москву, въ Москву? Гдѣ вы найдете среди нашихъ артистовъ нуж- ныя силы, способныя воплотиться въ убѣ- жденіяхъ русскихъ барышень? Мы умѣемъ играть Ибсена, но не доросли до Че- хова...

Не доросли до Чехова—вѣрнѣе опре- дѣленіе нѣмецкаго пониманія. Я эти сло- ва когда-то слышалъ изъ устъ Артура Шницлера. Понимъ, какъ сейчасъ, съ ка- кой любовью и теплотой говорилъ мнѣ со- временный нѣмекій писатель-драматургъ о нашемъ Антонѣ Павловичѣ. Это было года два съ половиною назадъ, въ Вѣнѣ, въ одно изъ моихъ посѣщеній Шницлера.

Онъ тогда заканчивалъ свой романъ „Путь къ свободѣ“ и съ особенной гор- достью подчеркивалъ, что нѣкоторые на- кожные, читавшіе его произведеніе ввѣри- ть, находили въ немъ много чеховскихъ кра- сотъ и настроеній.

— Меня сравниваютъ съ Чеховымъ. Что можетъ быть лестнѣе? Впрочемъ, одинъ ли только Шницлеръ такъ высоко цѣнитъ нашъ рано отвѣтшій самоцѣльный талантъ? Максимилианъ Гарбелъ, которому нельзя было отказывать въ литературномъ вкусѣ и худ- жественномъ пониманіи, рассказывалъ мнѣ однажды, что его просилъ какой-то рус- скій журналистъ высказаться о Чеховѣ.

— Что я могъ сказать?.. Мнѣ пришлось сознаться, что мы постыдно ничего не знаемъ о писателѣ, имя котораго должно быть золотыми буквами внесено въ ас- триръ европейской литературы.

Какъ вѣрно, Чехова ужъ-то цѣнили. Но кто? Писатели, драматурги, литераторы — люди, стоящіе выше рядовой массы, имѣе самоодвольныя посредственностей. Боль- шой читатель, повторяю, если и читаетъ, то лишь Антошу Чехонте, но не великаго Антона Чехова. Стоитъ прибѣгнуть къ про- стому сравненію, чтобы въ этомъ убѣ- диться. Горькій и Чеховъ!.. О первомъ написаны цѣлые томы, его поощреніемъ вышли въ свѣтъ тысячъ энциклопедій, портреты появлялись и появляются во всѣхъ иллюстрированныхъ журналахъ, издатели насчитываютъ десятками. На Горькова нѣкоторые молодые литераторы и рецен- зенты ссылались себѣ имя. Горькій читается сейчасъ въ Германіи не меньше, а можетъ- быть и больше, чѣмъ у себя на родинѣ. Коротко—Горькій создатель не только во- кругъ себя критическую литературу и кругъ почитателей, но и культъ горьковско- го. Не то Чеховъ! Его изданія на нѣ- мецкомъ языкѣ насчитываются единицами.

Ему, какъ писателю, не только никогда не посылали цѣлыхъ номеровъ, но даже серьезныхъ статей. Критика говорила о Чеховѣ какъ-то унываемо и похоло, будто дѣлала ему одолженіе. Вообще, его лите- ратурной фязіономіей интересовались не больше, нежели Ариаднамея.

Правда, въ Германіи Чехову воздвигнуть памятникъ, не ужъ, разумеется, не жа- телены. Какъ подумаешь, что гдѣ-то въ Ваденгеймѣ одиноко воникъ брестъ Ан- тона Павловича—слезы навертываются. Ка- кая злая иронія судьбы! Символизировать великаго писателя на чуждой и далекой землѣ. Землѣ, гдѣ Чехова не знаютъ и не понимаютъ. Правда, великому русскому пи- сателю и при жизни слава казалась лишь минутой. Но все таки... Вотъ ужъ по- истиннѣ, къ кому можно прибѣгнуть Некрасовское:

„Братья-писатели, въ вашей судьбѣ что-то лежитъ роковое.“

Роковая была жизнь, роковой былъ ко- нецъ Антона Павловича.

Его упреки въ людскомъ непониманіи какъ нельзя лучше подходятъ къ Герма- нии. Можетъ-быть, пѣзны его еще откро- пы, какъ это происходитъ сейчасъ съ Достоевскимъ. Но покажеться занятна- ются „Салингомъ“ и интересуются „Ват- димомъ конемъ“—Роншина.

Чуждъ Чеховъ нѣмцамъ! Чужды имъ его герои съ ихъ безкрылыми надеждами, да- лека ихъ психологія и исполнны ихъ по- рымы.

Въ этомъ сказывается разниа куль- туръ, міросозерцаній и общественныхъ на- строеній.

Н. Троцкий

Берлинъ.

ПИСЬМА ИЗЪ БЕРЛИНА.

(Отъ нашего корреспондента).

О Чеховѣ.

Общественно-политическая жизнь Герма- нии настолько полна и разнообразна, со- бытія ея съ такой поразительной быстро- той обгоняють другъ друга, что положи- тельно затрудняешься, надъ чѣмъ остано- виться и чѣму отдать предпочтеніе. Раз- вернуть ли во всей наготѣ, послѣдній на- парламентскій скандалъ, коснуться ли жи- вотнущаго вопроса—русско-германскаго обилия или затронуть хоть слегка об- ласть изыщной литературы и театра? Что интереснѣе, важнѣе, предпочтительнѣе? Да проститъ мнѣ читатель, но на этотъ разъ я намѣренъ выйти изъ основныхъ рамокъ журналиста и рассказать о томъ, что бли- же всего моему настроенію и моимъ сим- патіямъ. Пятидесятая годовщина рожде- ния Антона Павловича Чехова обязываетъ меня познакомить читателя съ родю и мѣ- стомъ Чехова въ германскомъ обществѣ и литературѣ. Мнѣ какъ-то уже пришлось высказаться на страницахъ „Мужаго Край“, что Чехона въ Германіи не пони- маютъ, что его пьесы терпятъ всегда са- мое жестокое фiasco, и что ни одинъ театръ не рискнетъ сейчасъ выступить съ произведеніемъ нашего безвременно по- гибшаго великаго таланта. Просматривая въ последнее время критику о Чеховѣ и отзывы о его творчествѣ, мнѣ особенно брѣсилось въ глаза абсолютное непонима- ніе нѣмцами того, что мы особенно цѣ- нимъ въ Антонѣ Павловичѣ. Страна „фил- софовъ и поэтовъ“ остается чрезвычай- но холодной къ сумеречнымъ чеховскимъ героямъ. Трезво и реально мыслящему нѣ- мцу скорѣе понятны Раскольниковъ и Ста- ровичъ Достоевскаго, нежели Берининъ, дядя Ваня, Астровъ, или три сестры Че- хова. Если въ психологическихъ perso- нажахъ Достоевскаго онъ чувствуетъ кусо- чекъ своего „я“, частицу нѣмецкаго міросозерцанія и результатъ уродливыхъ сторонъ социально-политической жизни Россіи, то „сумеречные люди“ Чехова ему просто кажутся нитками и бездѣль- никами, философствующими ради ничего- веданія. Спросите рядового нѣмецкаго чи- тателя изъ средняго интеллигентнаго кру- га—знаетъ ли онъ Чехова, и вы получите въ отвѣтъ: „какъ же? Знаю!“ Но пого- ворите съ нимъ на эту тему и вы убѣ- дитесь, что онъ знаетъ не Антоша Чехо- ва, а Антошу Чехонте. Ни одинъ рус- скій писатель, за исключеніемъ Горькаго, Достоевскаго и Мережковского, (Мереж- ковскаго!.. Да, представьте!) не имѣетъ въ Германіи такого успѣха, какъ Антоша Чехонте.

Блестящій юморъ, искрившій смѣхъ и неподдѣльный стиль чеховскихъ миниатюръ, печатавшихся въ „Стрекозѣ“ и „Будиль- никѣ“, встрѣчены были въ Германіи съ распростертыми объятіями. Не было журнала и газеты, гдѣ Чеховъ не появлялся бы. Правда, полуграмотные переводчики, еле понимавшіе по русски, безбожно коверкали смыслъ и содержаніе, портили форму и стиль, но все-таки Чеховъ сохранялся. Одно время за чеховскими венчиками по- ложительно гонялись. Нѣмецкія газеты, гдѣ всякая строка строго учитывается, гдѣ за „мѣсто“ въ текстѣ чуть ли не дерутся, увидѣли въ Чеховѣ спасителя. Коротко, остроумно, захватывающе!.. Настоящій кладъ!

Переводчики дѣлали золотыя дѣла. Ма- ленькіе рассказы появлялись въ деся- ткахъ переводовъ, одинъ другого хуже, но это нисколько не останавливало изда- телей. Ажъ-такъ вокругъ чеховскихъ проза- веденій разрастались; однако, онъ не вло- тѣлъ лавровъ въ его вѣнокъ славы. Въ то время, какъ у насъ на Антона Павловича смотрѣли, какъ на по- сителя новаго слова, создателя новой школы, здѣсь въ немъ видѣли лишь веселого и шаловливаго фельетониста. Фельетониста, съ сильно развитымъ импрессионистскимъ чув- ствомъ, тонко улавливающимъ прозу жизни со всей ея пошлостью и убоганостью. Такое отношеніе отразилось крайне отри- цательно на драматическихъ произведені- яхъ Чехова. Переводчики, нажившіеся на Антонѣ Чехонте, не сомнѣвались въ успѣхѣ чеховскихъ пьесъ. Опьяненные го- логромъ импрессионистскихъ рассказовъ и не-